

Содержание

<i>С.В. Стахорский. Образ метели</i>	
в русской литературе	7
Александр Пушкин. Метель	30
Владимир Соллогуб. Метель	46
Лев Толстой. Метель.....	66
<i>С.В. Стахорский. Примечания</i>	
Пушкин. «Метель»	102
Соллогуб. «Метель»	107
Толстой. «Метель»	110

Образ метели в русской литературе

Всё глушь, всё снег, да мерзлый пар.
И Божий мир стал снежный шар.

П.А. Вяземский. «Метель»

Три произведения, вошедшие в эту книгу, объединяют название, жанр и литературная эпоха. Они написаны с небольшим интервалом времени: «Метель» Пушкина — в 1830 году, Соллогуба — в 1849-м, Льва Толстого — в 1856 году. Пушкин и Соллогуб определяют жанр как повесть, Толстой — как рассказ. По сути же каждая из трех «Метелей» являет собой новеллу в ее главных признаках — краткость, остросюжетность, экстраординарные обстоятельства и персонажи, вырванные из привычной среды. Во всех трех новеллах образ метели исполняет узловую роль.

Один из постоянных образов русской литературы, метель в разные времена и эпохи притягивала внимание сочинителей: ее описывали в поэзии и прозе, в больших и малых жанрах — от новеллы до романа. Притягательность этого образа обусловлена тем, что метель — чрезвычайное состояние природы, для человека довольно опасное. Присно и ныне метель отнимает у людей свободу передвижения, заматывая автобаны, железные дороги, взлетные полосы. Она угрожает тем, у кого нет надежного убежища, кто угодил в ее снежный коловорот.

В литературных сюжетах метель, подстерегающая путников на зимней дороге, — не происшествие и не приключение. Это всегда событие с далекоидущими для героев последствиями. В метели происходят важные встречи и столь же важные разговоры. В «мутном кружении метели» Петр

Гринев встречает Пугачева, фигуру которого ямщик поначалу принял за волка. Некий офицер, задержанный метелью на горном перевале, узнает от попутчика, штабс-капитана Максима Максимыча, историю Печорина и Бэлы: услышанный рассказ становится главой романа о герое нашего времени. На железнодорожной станции, обвьятой снежным вихрем, происходит первое объяснение Анны Карениной и Вронского. Метель приводит в дом Солохи трех ухажеров — Голову, Дьяка и Чуба, и те вынуждены прятаться друг от друга, забравшись в мешки.

Истоки литературной метелианы — в фольклоре. Согласно народным поверьям, вьюги и метели происходят от того, что в зимнюю стужу черти, желая согреться, дуют себе в кулак. Фольклорный паттерн метели, вызванной проделками нечистой силы, в стихотворении Пушкина «Бесы» разрастается до картины космического шабаша, летящего «рой за роем в беспредельной вышине». Карнавальное, комическое воплощение того же паттерна содержит повесть Гоголя «Ночь перед Рождеством», где метель устраивает черт, желая наказать кузнеца Вакулу за то, что на церковной стене изобразил он святого Петра, изгонявшего из ада злого духа. Черт «начал разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам».

Ужас русского путешественника, совершающего зимний путь, метель вызывает у литературных героев амбивалентные ощущения. В метели «страшно поневоле среди неведомых равнин», но она же рождает шальное чувство свободы. Его испытывает Анна Каренина: «Метель и ветер рванулись ей навстречу. И это ей показалось весело. <...> С наслаждением, полною грудью, она вдыхала в себя снежный, морозный воздух».

Зима с ее стужами и метелями разлучила влюбленных героев повести Пушкина и подтолкнула их на отчаянные поступки. Сюжет этого произведения объединяет две любовные истории, вплетенные в авантурную фабулу: одна — печальная, другая — счастливая.

Первая история повествует о любви богатой невесты Марьи Гавриловны и бедного армейского прапорщика Владимира. Столкнувшись с запретом родителей девушки, владельцев поместья Ненародово, влюбленные встречаются в окрестной роще, но с наступлением зимы их свидания прекратились, и тогда они решают обвенчаться без родительского благословения. В ночь тайного венчания молодой человек из-за метели не попал в церковь к назначенному часу. В церкви же случайно оказался проезжий гусар, спасавшийся от снежной бури, его приняли за жениха и по ошибке обвенчали с девушкой, находившейся в полуобморочном состоянии. Гусар исчез, а девушка вернулась домой, скрыв от родителей побег и венчание. Ее возлюбленный, узнав о произошедшем, ушел на войну и погиб.

Метель таким образом привела к развязке первую любовную историю, но одновременно стала завязкой второй. По прошествии времени Марья Гавриловна встречает раненого гусарского полковника Бурмина. Скоро они поняли, что любят друг друга, но соединиться не могут: оба связаны узами брака, хотя она не знает, кто ее муж, а он — кто его жена. Вторая история имеет счастливый финал: выясняется, что в роковую метельную ночь именно они были обвенчаны.

События повести представляют собой цепь случайностей и странных совпадений, выглядящих совершенно неправдоподобными, что, впрочем, характерно для прозы тогдашнего романтизма и отличает жанр мелодрамы, сюжеты которой строились на игре случая. В повести Пушкина не

Образ метели в русской литературе

случайна только метель. Она предстает живой, одушевленной стихией, играющей судьбами людей. Метель сбивает с пути жениха, замечает ему глаза, чтобы тот заблудился на хорошо ему знакомой, многократно езженной дороге. Метель предостерегает невесту, посылая ей угрожающие знаки («ставни тряслись и стучали») и поднимая ветер, «как будто силясь остановить молодую преступницу». Образ метели как одушевленной силы встречается также в «Капитанской дочке»: «Всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным».

В позднем творчестве Пушкина наблюдается повышенный интерес к природным стихиям. Это не только метель, но и пожар («Дубровский»), наводнение («Медный всадник»), чума («Пир во время чумы»). Сильное впечатление на Пушкина произвела картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи», и он написал такие строки:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Единоборство человека с природной стихией — одна из главных тем в живописи романтизма, воплощенная в полотнах Жерико, Делакруа, Тёрнера. В столкновение со стихиями природы вступают герои Байрона и Виктора Гюго.

Для Пушкина начала 1830-х годов романтизм более не является тем единственным выбором, каким был в начале литературной деятельности. Он не порывает с ним, о чем свидетельствует эпиграф «Метели», взятый из баллады Жу-

ковского, но романтические образы переосмысливает и ставит в новый художественный контекст.

В поздних произведениях образ природной стихии существует в сращении с повседневным бытом, описанным с изрядной реалистичностью. Пушкин не позволяет своим героям подолгу стоять в романтических позах, сгоняет их с кутурнов при помощи бытовых деталей и прозаичных подробностей. В соответствии с кодексом романтического поведения Марья Гавриловна накануне побега страдает, пишет прощальные письма, видит ужасные сны; покидая родительский дом, обливается слезами, не забыв, однако, прихватить два узла с вещами. Романтический образ героя, потерявшегося в метели, снижает тот факт, что плутал он в пяти верстах от места назначения и, можно сказать, заблудился в трех соснах.

«Метель» входит в цикл «Повести Белкина». Произведения этого цикла созданы в результате литературных экспериментов Болдинской осени 1830 года, направленных на поиски новых приемов повествования. Параллельно Пушкин экспериментирует в драматургии, сочиняя «Маленькие трагедии», озаглавленные в рукописи «Опыт драматических изучений».

Сюжеты повестей разворачиваются стремительно — *parité rapide*, без лирических отступлений и пространных эпических описаний. Кредо Пушкина: «Писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно». Лаконизм и быстрота действия сближают повести с «Маленькими трагедиями».

В «Маленьких трагедиях» Пушкин обращается к бродячим сюжетам мировой литературы и ее вечным образам: предки пушкинского Дона Гуана — доны Хуаны и Жуаны, сотворенные Тирсо де Молиной, Мольером, Моцартом, Байроном; прашуры скупого рыцаря — скупцы в комедиях

Плавта, Шекспира, Марло, Мольера; «Пир во время чумы» восходит к «Декамерону» Боккаччо.

Вечные образы маячат за спинами героев белкинско-го цикла: например, в «Станционном смотрителе» зашита притча о блудном сыне. В «Барышне-крестьянке» находит продолжение бродячий сюжет, ранее воплощенный в пьесе Шекспира «Как вам это понравится», в «Комедии игры и случая» Мариво и опере Моцарта «Так поступают все». Персонажи прибегают к травестии (переодеванию) и, скрыв свою наружность, проверяют любовные чувства.

В «Метели» тоже прослеживается бродячий сюжет — бракосочетание девушки с подмененным женихом. Старинный источник — комментарии Боккаччо к «Божественной комедии» Данте. В них автор «Декамерона» по-своему изложил историю Франчески да Римини, коротко рассказанную в пятой песне «Ада». По версии Боккаччо, Франческа нарушила супружеский долг, потому что была выдана замуж обманом: она согласилась на брак с красавцем Паоло, но у алтаря его подменил брат — хромой и уродливый Джанчотто. Лет за десять до Пушкина фабулу с подмененным женихом использовали Вашингтон Ирвинг в рассказе «Жених-призрак» («The Spectre Bridegroom») и В.И. Панаев в повести «Отеческое наказание».

Ночной побег девушки с женихом — сюжетный мотив, восходящий через баллады Жуковского «Светлана» и «Людмила» к «Леноре» Бюргера. На побег из родительского дома и тайное венчание решается боярская дочь Наталья, героиня Н.М. Карамзина.

В «Повестях Белкина» Пушкин вводит подставного условного рассказчика, а собственное авторство намеренно скрывает, и поэтому его имя не было указано при первой публикации. Тот же прием в позднее написанной «Капитан-

ской дочке»: безымянный издатель печатает записки Петра Андреевича Гринева, «приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена».

Появление подставного автора было продиктовано несколькими причинами, и, прежде всего, тем, что в повестях Пушкин-поэт впервые заговорил с читателями языком «смиренной прозы».

Основным рассказчиком повестей выступает покойный Иван Петрович Белкин. Это не псевдоним Пушкина и не его литературная маска типа Феофилакта Косичкина, под именем которого он печатал статьи-памфлеты. Белкин — персонаж с характером и биографией.

О нем сказано, что родился он в 1798 году (получается, годом раньше Пушкина) и что умер, не дожив до 30 лет. Начальное образование получил от деревенского дьячка и от него перенял охоту к чтению и сочинительству. Служил Белкин в егерском полку, оставив который поселился в своем имении и посвятил себя литературным занятиям.

В структуре «Метели» белкинский слой — далеко не единственный. Каждую историю Иван Петрович сопровождал примечанием: «слышано мною от такой-то особы». События, описанные в «Метели», ему рассказала девица К.И.Т., надо полагать, прототип героини. У нее в повести собственный текст, образующий отдельный слой, а третий слой принадлежит издателю, который на титульном листе указал лишь инициалы А.П. Как и Белкин, девица К.И.Т. и издатель А.П. — персонажи: у них нет биографии, но характер проглядывает.

Голоса трех повествователей инкорпорированы друг в друга и отчетливо не различаются. Однако, не поняв, где чей голос, невозможно адекватно воспринять произведение.

В «Метели» имеется, например, скрытая цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума»: «Между тем война <1812 года> со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. <...> Русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура! И в воздух чепчики бросали».

Кто это пишет? — простодушный Иван Петрович: охваченный патриотическим порывом, он не уловил в реплике Чацкого иронию и сарказм.

Деревенский житель, Белкин знает, какими пословицами утешают себя родители, разрешая детям не сулящий выгоды брак по любви: «Суженого конем не объедешь», «Бедность — не порок», «Жить не с богатством, а с человеком».

Белкин — сочинитель начитанный и не упускает случая пощеголять оборотами, взятыми из ходового литературного репертуара: «с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы*».

Скорее всего, Белкин читывал «Новую Элоизу», но вряд ли роман Руссо настолько ему запомнился, что он в словах Бурмина сразу распознал строки из письма Сен-Прё к Юлии. В этом месте явно слышен голос девицы К.И.Т. Она — главный в повести эксперт по части гардероба, будуара и библиотеки провинциальных барышень. Между прочим, «Новой Элоизой» зачитывалась Татьяна Ларина, что в ее письме к Онегину выдают словесные клише, заимствованные из романа; героиня «Рославлева» Полина «Руссо знала наизусть».

В отличие от публикатора записок Гринева, издатель А.П. прямо не говорит, что приложил к текстам руку, но его

голос улавливается в иронических комментариях и шуточных сентенциях: «Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание».

Издатель А.П. подтрунивает над персонажами («Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и *следственно* была влюблена»); он посмеивается над главным рассказчиком, университетом которого стал сельский дьячок. К Белкину относится иронический эпиграф, взятый А.П. из «Недоросля»: «Он еще сызмала к историям охотник».

Иронизирует издатель А.П. и над читателем, охочим до историй, жаждущим узнать, что произошло той ночью в церкви. Вместо этого рассказчик переносит действие в дом ненарадовских помещиков и предлагает посмотреть, что делается там. «А ничего», — заявляет он. Лишь в самом конце повести читатель узнает, что Марья Гавриловна была обвенчана не с тем.

Издатель А.П. не является альтер эго Пушкина. В «Метели» с ее трехголосным повествованием прямой речи Пушкина нет. Однажды Генрих Ибсен сказал: «Не делайте меня ответственным за речи, произнесенные персонажами моей пьесы». Это положение распространяется на эпическую прозу, в которой автор строит текст от лица вымышленных рассказчиков и говорит их голосами.

Осенью 1830 года, когда были написаны «Повести Белкина», Пушкин работал над статьей «О народной драме» и в ней отмечал, что в трагедии должны говорить «люди минувших дней, их умы, их предрассудки». В повестях заговорили умы и предрассудки дней нынешних.

Разноголосье повествователей создает контрапункт стилей и жанров: в «Метели» переключаются сентиментализм

и романтизм, французский роман, мелодрама и водевиль. Чувствительные герои сентиментализма действуют в авантюрной фабуле французского романа; они сталкиваются с разгулом природной стихии, изображенной в красках романтизма; жертвы случая, подобно персонажам мелодрамы, они в финале разыгрывают водевильную ситуацию «жених своей жены».

В «Метели» много юмора, его сразу заметили читавшие «Повести Белкина» в рукописи (по словам Пушкина, «Баратынский ржет и бьется»). Но переживания главных героев глубоки и серьезны: от них у Марьи Гавриловны открылась сильная горячка, и она две недели «находилась у края гроба», а Владимир с горя ушел на войну. Бурмина мучает его кощунственный проступок, и он остро чувствует свою вину.

В финале замолкают голоса рассказчиков, и слово берут Марья Гавриловна и Бурмин. Повесть заканчивается, как пьеса, сплошным диалогом, за которым следует короткая ремарка: «Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...»

Финал вроде бы счастливый, но в нем нет торжества — звона бокалов и колоколов. Пушкин оставляет героев в состоянии глубокой задумчивости. Это открытый финал, каким заканчиваются все драматургические произведения Пушкина.

В повести Пушкина метель происходит в одном лишь эпизоде; у Соллогуба она начинается в первых строках и заканчивается на последних (то же и в рассказе Толстого). Метель привела на почтовую станцию десятерых путешественников, среди которых оказались молодой гвардейский офицер и женщина редкой красоты — главные герои произведения. Офицер направляется в Петербург на свадьбу брата, где ему назначена роль шафера, а женщина сопровождает бабушку-помещицу в Воронеж на богомолье.